

*Моему мужу, Дагу Уоткинсу,
с благодарностью за помощь
в сборе материала*

КНИГА 1

Разделенные веками

ПРОЛОГ

Я просыталась три раза в темный предрассветный час. Сперва в печали, потом в радостном волнении и наконец — с чувством одиночества. Слезы глубоко переживаемой утраты пробуждали меня, омывая лицо прохладным прикосновением, словно влажная ткань в чьих-то любящих руках. Я вжалась лицом в мокрую подушку, и соленая река унесла меня в скорбные провалы воспоминаний, в таинственные глубины сна.

И я проснулась с ощущением безумной радости, тело изогнулось дугой в судорогах физического слияния, кожа чувствовала свежесть его прикосновений, разбегавшуюся по нервам и сладкой дрожью замирающую где-то в самой глубине моего существования. Я отогнала от себя пробуждение, повернулась, ища забвения в остром теплом аромате удовлетворенного мужского желания, в утешительных объятиях возлюбленного.

На третий раз я проснулась одна, ощущая себя свободной от любви и печали. Вид тех каменных столбов был еще свеж в памяти.

Маленький круг, камни, окаймлявшие гребень крутого зеленого склона. Название этого холма — Крэг-на-Дун, Холм фей. Одни говорят, что холм этот заколдован, другие — что над ним тяготеет проклятие. И те и другие правы.

Но никто не знает, каково предназначение и смысл этих камней...

Никто, кроме меня.

ЧАСТЬ 1

В зазеркалье, в темноте.

Инвернес, 1968 год

Глава 1

СПИСОК ЛИЧНОГО СОСТАВА

Роджер Уэйкфилд стоял посередине комнаты и чувствовал, что окружен со всех сторон. Основания к тому были у него самые веские. Он и на самом деле был окружен: столами с разными безделушками и сувенирами; тяжелой викторианской мебелью, покрытой какими-то салфеточками, плюшевыми накидками, афганскими коврами; крошечными вышитыми ковриками на паркетном полу, готовыми заскользнуть под чьей-то неосторожной ногой. Он был окружен двенадцатью комнатами, забитыми мебелью, одеждой и бумагами. И книгами. О бог мой, эти книги!..

Три стены кабинета, где он теперь находился, сплошь занимали битком набитые книжные полки. Перед томами, переплетенными в телячью кожу, висели стопки детективов в ярких бумажных обложках; между ними были втиснуты более изысканные образчики полиграфии, удовлетворяющие вкусам любого, даже самого придирчивого члена клуба книголюбов; торчали корешки старинных книг, украденных в свое время из гибнущих библиотек, а также тысячи и тысячи брошюр, записных книжек и рукописей.

Та же ситуация наблюдалась и в остальных помещениях: книги и бумаги занимали все горизонтальные поверхности; шкафы и кладовки трещали по швам. Его покойный отчим прожил долгую плодотворную жизнь, на десять лет дольше положенных по Библии семидесяти. И мистер Реджиналд Уэйкфилд никогда ничего не выбрасывал.

Роджер с трудом подавил желание выбежать из дома, вскочить в свой «моррис майнор» и вернуться в Оксфорд, оставив особняк и все, что в нем имелось, на растерзание стихии и вандалам. «Успокойся, — сказал он себе и глубоко вздохнул. — Со всем этим вполне можно справиться». С книгами проще всего: их надо рассортировать, а потом позвонить, чтобы приехали и забрали. Понадобится грузовик размером с товарный

вагон, но и это преодолимо. Одежда — с ней вообще нет проблем. «Оксфам»¹ все заберет.

Он не совсем понимал, что будет делать «Оксфам» с целой кучей черных саржевых костюмов покроя 1948 года, но, возможно, бедняки не слишком разборчивы. Ему стало легче дышать. Он специально взял месячный отпуск на кафедре истории Оксфордского университета, чтобы привести в порядок имущество и дела его преподабиа. Что ж, в этот срок вполне можно уложиться. Правда, порой его охватывало отчаяние, и тогда казалось, что эту работу не переделать и за годы.

Он подошел к одному из столов и взял с него маленькое фарфоровое блюдце. В нем лежали небольшие металлические прямоугольнички — свинцовые «габерлунзы», специальные бляхи, которые в XVIII веке служили приходским нищим как бы свидетельством того, что они имеют лицензию на это ремесло. У лампы стояла коллекция каменных бутылей, рядом с ними — табакерка из рога, отделанная серебром. Сдать их в музей? Весь дом битком набит разными предметами якобитской эпохи²: его преподабие любил историю, а излюбленным объектом исследований был XVIII век.

Пальцы инстинктивно потянулись к табакерке, погладили ее поверхность, пробежали по вырезанным на ней черным буквам — именам и датам жизни «дьяконов и казначеев гильдии портных Кэнонгейта, Эдинбург, 1726 год». Может, все же стоит сохранить несколько раритетов из коллекции его преподабиа? Но он тут же решительно отверг эту мысль.

— Ни в коем случае, приятель, — произнес он вслух. — Иначе можно рехнуться.

Или превратиться в древесную крысу³. Стоит только начать с нескольких вещей, и вскоре счет пойдет на тысячи. Тут же возникнет искушение поселиться в этом чудовищном доме среди завалов из всякой дребедени.

— И беседовать с самим собой вслух, — добавил он.

Мысль о завалах из дребедени напомнила ему о гараже, и колени Роджера подогнулись. Его преподабие, приходившийся на деле Уэйкфилду двоюродным дедушкой, усыновил его в возрасте пяти лет, после того как родители мальчика погибли во время Второй мировой войны: мать — во время бомбежки, отец — в темных водах Ла-Манша. Следуя своей обыч-

¹ «Оксфам» — благотворительная организация с центром в Оксфорде, оказывающая гуманитарную помощь голодающим и пострадавшим от стихийных бедствий в различных странах.

² Якобиты — сторонники короля Якова II (правил в 1685—1688 гг.) и его наследников.

³ Крупная североамериканская крыса с пушистым хвостом. Ворует у людей еду и мелкие предметы.

ной скопидомской манере, священник сохранил все вещи родителей Роджера — уложенные в сундуки и коробки, они хранились в гараже. Роджер знал, что за последние двадцать лет к ним не прикасалась рука человека.

При мысли, что ему предстоит рыться в родительских вещах, Роджер испустил тяжкий вздох.

— Господи, — взмолился он, — что угодно, только не это!

Слова эти мало походили на молитву, однако словно в ответ на них брякнул дверной колокольчик, и от неожиданности Роджер прикусил язык.

В сырую погоду входная дверь в особняке имела привычку разбухать, отчего отворить ее было непросто. Наконец, издав скрип, она подалась, и Роджер увидел на пороге женщину.

— Чем могу быть полезен?

Женщина была среднего роста и весьма миловидна. Вот общее впечатление, создавшееся у него: тонкие черты лица, белая льняная блузка, копна выющихся каштановых волос, напоминающая слегка развившийся шиньон. А в центре — пара ярких глаз цвета хорошо выдержанного шерри.

Глаза обежали его фигуру, возвышавшуюся над ней на фут, начиная с парусиновых туфель одиннадцатого размера, и остановились на лице. Легкая улыбка еще шире раздвинула губы.

— Не хотелось бы начинать с банальностей, — сказала она, — но, бог мой, как же вы выросли, молодой Роджер!

Роджер почувствовал, что краснеет. Женщина рассмеялась и протянула руку:

— Вы ведь Роджер? А я — Клэр Рэндолл, старая приятельница его преподобия. Но когда мы виделись последний раз, вам было не больше пяти.

— Э-э... Так вы дружили с моим отцом? Тогда вы, должно быть, знаете... Улыбка исчезла, ее сменило скорбное выражение.

— Да. Очень печально было узнать эту новость. Сердечный приступ?

— Гм, да. Он умер совершенно внезапно. Я только что приехал из Оксфорда, чтобы как-то разобраться со всем этим.

И он слабо махнул рукой, имея в виду смерть его преподобия и этот дом со всем его содержимым.

— Насколько я помню библиотеку вашего отца, это занятие вполне может затянуться до самого Рождества, — заметила Клэр.

— В таком случае не будем отнимать у вас время, — раздался за ее спиной голос с американским акцентом.

— О, совсем забыла. — Клэр отступила и обернулась к девушке, стоявшей слева от нее, так что Роджеру не было ее видно. — Роджер Уэйкфилд — моя дочь Брианна.

Брианна Рэндолл шагнула вперед, застенчиво улыбаясь. На секунду Роджер растерялся, затем вспомнил о манерах. Отступил на шаг, пошире